

• Памятники Тверской провинции

В честь великого реформатора

В благодарность за освобождение от крепостной зависимости в 1912 году жители Бернова поставили в центре села бронзовый бюст императора. Еще тогда люди поняли и оценили, что принесла им воля – они стали жить лучше. Со временем монумент был разрушен, остался лишь постамент.

В новом веке памятник решили восстановить. Главным инициатором работы стал Почетный гражданин Старицкого района краевед Александр Волнухин, которого поддержала Ассоциация тверских землячеств. Откликнулся и меценат Павел Шидловский, средства которого помогли восстановить памятник и историческую справедливость. Молодой бизнесмен родом из Брянска, а ныне житель Москвы. Как оказалось, с тверской землей мецената связывают родовые корни: здесь, в Старице, когда-то жила его бабушка. Выступая на митинге, Павел Шидловский сказал: «Сегодня важно верить в будущее России и беречь достояние прошлого».

Открытие возрожденного памятника состоялось 12 сентября 2018 года. Оно было приурочено к празднованию перенесения мощей святого благоверного князя Александра Невского. В центре Бернова, в сквере, там, где когда-то и стоял памятник императору, собралось немало народу.

Выступая на митинге, глава администрации района Сергей Журавлев подчеркнул:

– Сегодня пришло время собирать камни. Я горжусь, что живу в эпоху, когда мы вместе восстанавливаем свою историю, храним и чтим память о великих людях прошлых лет.

«СТАЛ ДОРОЖЕ ВДРУГ ПРОЖИТЫЙ ДЕНЬ...»

Валерий Кириллов

г. Тверь

Валерий Яковлевич Кириллов родился 20 сентября 1946 года в Андреаполе. Окончил факультет журналистики Ленинградского госуниверситета имени А.А. Жданова. Работал в редакции местной газеты, был редактором газеты в Нелидове. Более двадцати лет возглавлял областные газеты «Смена» и «Калининская правда» («Тверская жизнь»). Автор многих книг художественной прозы и публицистики, член Союза писателей СССР (ныне РФ), заслуженный работник культуры РФ, Почетный гражданин Андреапольского района, лауреат премии «Слово к народу».

ДАВНЯЯ ВСТРЕЧА

В тот день у озера Лучани
Я встретил женщину одну.
Играл ей «Чардаш» на баяне,
«Звезду любви» внадрыв тянул.

Она сочувственно глядела
На мой искусственный фасон.
И вдруг - так сказочно запела,
Что был я разом посрамлен.

Легко алябьевские трели
Неслись над сизою водой.
Пылал июль. Хлеба звенели.
Смеялся месяц молодой.

Старик Антоныч, брови хмуря,
Заметил, будто невзначай:
«Она всегда была бедулей.
Ты уж, Валерка, не сердчай».

Давно не стало той деревни,
Осот, чапыжник строят ряд.
И только сказочные трели
Мне издалека все звучат...

1999 г.

КОНИ СУДЬБЫ

Задурила метель, закуражилась,
Кони пьяные ринулись в пляс.
По лугам, буеракам, овражинам
Мой веселый несут тарантас.

Бьются яростно белые змеи
Меж полозьев злодейки-судьбы,
От укусов шальных цепенеют
Дней моих верстовые столбы.

Сколько их на дороге осталось,
Разве скажет азартный ездок?
Знай, ретивых коней погоняет,
Приближая отпущенный срок.

2000 г.

РЫБАЛКА

Облетает листва на березках
И ложится в озерную гладь.
Я спускаюсь тропиной
скользкой
На уху окунишек поймать.

Загребая тишком за осоку
И в прогалину мечу заброс.
Нет на свете приятней мороки -
Той, с которой родился и рос.
(окончание на стр. 2).

(начало на стр. 1).

Только мысли привольно раскину,
Как тревога грудину сожмет:
«Здесь была ведь деревня Новины,
Но давно здесь никто не живет!».

Что же случилось с нами, родные?
Лихоманка какая стряслась?
Вновь терзают хазары Россию –
И куражатся, алчные, всласть.

...Вроде как и доволен собою,
Над вечерней колдую ухой,
Только сердце все ноет и ноет,
Не приемля обманый покой...
2000 г.

НЕДРУГАМ

Радостно вам – Бога ради...
Добились вы цели своей.
Однако и я не в накладе –
Я – вольный теперь соловей.

Характер, чинушам несносный,
Другие недуги свои
Врачую на озере Бросно
И в древнем сельце Мотыли.

Охотку сбиваю грибную
Под елок глухой разговор.
Намедни, совсем не пасуя,
За новый я взялся забор.

Когда для рыбалки копаю
Червей из навозной земли,
Иных я из вас вспоминаю,
Но сердце уже не болит.

Приятны мои откровенья
На фоне мирской суеты.
В лампаде любви и смиренья
Сжигаю гордыни мосты.
2001 г.

ДВИНСКИЙ ВАЛЬСОК

Годы тихо летят, словно листья в саду
На холодном осеннем ветру.
Но душа молода и, как парус,
полна,
И поют соловьи поутру.

Домик твой у реки, как призывный маяк,

Никогда не пройду стороной.
У калитки замру, на крылечко
взгляну,
И бывое опять предо мной.

Речка плавно течет средь черемух
и лип
В голубую закатную даль
На мосточках стою, обнимая зарю,
И уходит из сердца печаль.

Зацветут над Двиной золотые цветы,
И синичка погасит звезду.
Как мальчонка, босой, умываясь
росой,
По тропинке я в детство бегу.
2002 г.

РОДИНА

Дождик шуршит маросейный
В нашем забытом краю.
Стирку большую затеяв,
Душу стирает мою.

Нервы мои приласкает,
Раны залижет, и вновь
Тихо струится, не тая,
К Родине милой любовь.

К речке, березке кудрявой,
К стежке, лужайке, ручью...
Даже и сам я не знаю,
Как я все это люблю!

Старый лопух и колодину,
Ласточек дерзкий полет...
Ах, как роскошно смородина
Там на погосте растет.
2003 г.

УЛЕТАЮТ ГОДА...

Улетают года, улетают,
И все меньше родных и друзей.
Кто тебя лучше всех приласкает,
Кроме родины милой твоей?
С неких пор чуткий взор замечает:
Стал дороже вдруг прожитый день.
Вот из скверика важно кивает
Синей шапкой густая сирень.

Распустился пион у порога.
Веет стужей от тихой реки...
Что такое с тобой происходит?
Отчего так движенья легки?

Как же трудно бывает порою
Признавать ощущение лет.
Голос сердца значительней слова –
Здесь, наверно, таится ответ.
2003 г.

РАССТАВАНИЕ

Чисел осенних мельканье
Близит последний предел.
Вот и пришло расставанье –
Как я того не хотел!

Клен мне помашет ручонкой,
Горлица тихо всплакнет,
Митька, сосед, на гармоньке
Скобарский мотив заведет.

Знает, сердешный, он цену
Грусти прощальных минут
Жизни корявых поленьев
Пепел развеет он тут.

Рад бы и я, да не в силах –
Греться у пламени их.
Видно, душа затупилась
На перекатах крутых.
2004 г.

КОЛЛЕГЕ-ПИСАТЕЛЮ

Ты мне сказал: «Не все так все просто»,
А у меня простой ответ:
«Есть солнца свет и мрак погоста.
Есть белый цвет и черный цвет».

Я не люблю полутонов –
На них – двуличия печать.
Сегодня другом быть здоров,
Чтоб завтра руку не подать.
2004 г.

ПО ДОРОГЕ В АРИСТОВО

Проселок глинистый, разбитый,
Остатки Храма на погосте.
Людей не слышно и не видно,
Но я иду названным гостем
К могилам, ивами поросшим,
К святым камням моих дедов.
Листва кружит – гуляет осень,
Душа молчит – не надо слов...
2015 г.

(продолжение, начало в N19 (ноябрь)-№21 (январь));

Письмо девятое

ТЫ помнишь одну шуточную байку? Два капиталиста отправляют в Африку своих агентов на предмет строительства обувных фабрик. И через несколько дней получают каждый от своего ответ. Один сообщает: «Глухо! Здесь все ходят босиком».

Другой сообщает: «Огромные возможности. Все босые. Надо всех обусть». Старая народная мудрость: «Истина познается в сравнении». Вот тебе одна ситуация для сравнения. Зашел я к соседке. Естественно, коснулись самого больного места, что осталось от огромного села 5 человек. И второй больной для стариков темы, что молодежь пьет и не хочет работать, да батюшка наш добавил на днях настроения, сказав в разговоре, что чуть ли не каждый день хоронит молодых ребят и девчонок.

Я и спрашиваю соседку:

– Григорьевна, ты сама-то что думаешь?

– Да, что? Все развалилось. Работы нет молодым.

– А твои дети?

– А что мои? Закончили школу, ушли в армию и после службы один остался в Таллине, другой на сверхсрочную. Дочь уехала учиться и там вышла замуж.

Письма сельского почтальона

У самой муж недавно умер, и она одна, глухая в огромном доме с собакой и кошкой. Её Петрович был хороший хозяин. Крепкий дом, ремонт внутри сделали дети, когда приезжали.

Все есть: и две бани, и сарай крепкие, и сети, и пасака, и ружья, и дров на два года, и скотины, и сено есть, и кофемолка на столе. И вот она, трагедия перед глазами. И это в каждом доме. Теперь старость – и никому ничего не нужно. К детям соседка не поедет, и это каждый должен понять. Пока ходит, пока руки шевелятся, она будет тянуть нажитое всей жизнью хозяйство. Летом дети помогут с дровами, с картошкой, ремонтом мелким. Старший сын умер в 36 лет в Эстонии (нашли мертвым на улице). Средний свой дом и дачу держит под Москвой. Дочь вообще за границей живет, на Украине. И тоже квартира в Одессе и два дома за городом. У всех уже дети работают, учатся. Внуков, когда приезжают, уже надо заставлять косить или пилить. Да они и не будут сюда скоро ездить, как свою жизнь устроят. Это так, пока еще возраст юный. Вот и все! Третье поколение, я бы сказал, образцовой крестьянской семьи... и конец. И так из 11 домов, что я застал, только в одном дети здесь, но это отдельная и совсем другая печальная жизнь.

А в остальных домах то же самое. В «поисках радости» и лучшей жизни рванули после войны в города и там осели и теперь они – так называемые «москвичи» и «петербуржцы», а их родные гнезда гниют. Ни себе ни людям, а часть продается под дачи. Да и то. До Москвы 500 км, до Питера – 800 км, не наездишься.

Раньше эта проблема решалась сверху. Не выдавали паспорта вот,

и сиди не дергайся. Сто лет назад эти вопросы стояли еще перед той Госдумой. Приведу мысли Л.Н. Толстого, чтобы не быть голословным. «Говорят, что скопление деревенских жителей по городам объясняется необходимостью для крестьянина прокормиться (и в этом был один из признаков разложения деревни). Но справедливо и то, что сравнительно легче добываемые деньги и роскошь жизни в городе привлекают его туда. И под видом кормиться в городе он едет туда для того, чтобы работать легче и есть лучше, пить чай три раза, щеголять и даже пьянствовать и распутничать».

Ведь все ясно. Все понятно думающим людям, но никто не хочет говорить правду, все выкручиваются между потоками лжи. Это как все знают, что пить и курить и жрать в три горла вредно, но продолжают это делать, кто может, конечно.

Ну, это я отвлекся. Хотя, как сказать... Сделай самые высокие зарплаты в стране, самые исключительно высокие учителям, врачам, офицерам и, самое главное, крестьянину. И если тебя за это не убьют консультанты, референты, социологи и депутаты и прочие научные сотрудники, то города опустеют вполовину и резко «вздохнет» канализация.

Ладно, это все пустое, из серии «Страна Утопия», «Город солнца» и т. д.

Возвращаюсь к тому, с чего начал. Кто виноват в том, что моя соседка осталась одна в пустом «полная чаша» доме со своей тоской, бессонницей и одиночеством? Сама, и больше никто. Только сама. «Что посеешь, то и

(продолжение на стр. 4).

(начало на стр. 3).

пожнешь». Крепко это надо сажать детям в голову, когда они начинают свою погоню «за синей птицей». Им бы с детства втолковать, что ее никто и никогда не поймал и не поймает. И что тот кувшин с золотом, за которым все ныряют в пруд и который видят на дне, на самом деле висит на сучке над прудом и отражается в воде. Но на верх мало кто смотрит. И «хорошо, где нас нет».

А сейчас вторая ситуация.

Местные говорят, что детям нет работы, нет перспективы, нищая земля, все развалено и т.д. А приехали узбеки и поселились и говорят: «Сколько земли, травы, воды, а у нас пустыня и бегаем в поисках сена, воды и т.д. и пасти негде, а у вас просто «рай». «Кто хочет, ищет возможности, кто не хочет, ищет оправдания», – говорят на востоке. Так что, еще раз. Нечего на зеркало пенять, коли... сам виноват.

Обнимаю. Твой Д.В.А.
апрель 2003

Письмо десятое

...Пользуясь свободой слова и печати самым бессовестным образом, враги наши наводнили книжный рынок самыми безбожными и кощунственными изданиями, книгами брошюрами и картинками... Наши гнусные «освободители» не довольствуются только тем, что хотят растоптать веру, но и выкрасть ее у народа, хотят искалечить и нравственность народную. И здесь главным орудием является прежде всего тот же книжный рынок. Книжные магазины, лавочки, прилавки, киоски запружены порнографическими изданиями, соблазнительными романами, гравюрами, открытками в которых литература и искусство, когда-то служившие целям идеальным, впрягаются теперь на службу самым низменным инстинктам человека. Газеты наполняются гнусными

объявлениями, скандальными процессами, а иногда и прямою проповедью разврата. Театры своими порнографическими пьесами производят так же развращающее влияние. На помощь литературе и искусству в деле пропаганды публичного разврата стали выступать даже

целые общества под разными посылками, но заманчивыми названиями, вроде «вечеров красоты». (Епископ Алексий Таврический 1908 год).

Саш! Что изменилось в методах? Ничего! Как будто не прошло 100 лет. Почему же мы ничему не учимся? Что было, то и будет. Нового нет ничего. Одно и то же повторяется из века в век. Но, «повторение – мать учения». Что же мы не накапливаем опыт? «Сердце мудрых – в доме плача, а сердце глупых – в доме веселья (т.е. сейчас у телевизора). И лучше слушать обличения от мудрых, нежели слушать песни глупых, потому что смех глупых – то же, что треск тернового хвороста под котлом. И это – суета». (Экклезиаст).

Народ без веры, памяти, традиций, обычаев, языка – это народ с оборванными корнями. За что держаться-то?

Ты посмотри на нашу историю. Что делал Петр? Он вместе с отрезанием бороды и введением курева, кофе, рвал корни народа. Он измывался над верой, шутейными соборами, убрал Патриарха, создав синод, много накуролесил, «прорубив окно» куда не надо. Историю можно крутить как угодно, а факты упрямая вещь. Петербург – он же Ленинград, он же снова Петербург, до сих пор считается искусственным городом, не говоря

о том, что под ним гниют кости миллионов русских крестьян, согнанных с земли воплощать эту бредовую затею, только потому, что Петр ненавидел Москву за ее уклад и национальные устои. Мы вычлением каждый раз из истории то, что нам выгодно в данный момент.

Все иностранные правители всеми силами старались оборвать корни народа растоптать веру, закрыть монастыри. И Ленин – Сталин – Маркс – Энгельс исповедовали то же самое, что Екатерина II в обнимку с Вольтером. Все реформы рано или поздно кончались бедой для народа во все века. Только надо не колотить в барабан, а, беря каждую реформу, задать вопрос – что получил народ, о счастье которого так пекутся все приходящие к власти, исключая нескольких православных монархов? Тот же Петр сделал народ рабами. Ведь понятие «крепостной» создавалось на основе договора, что народ кормил воинов, что его защищали (посмотри историю), но он был свободен.

Ключевский пишет, что Петр обижался, когда его считали деспотом и Антихристом. Он считал, что столько сделал для народа, прививая ему европейскую культуру... и т. д. Петр только не спросил, а нужно ли это было народу. Как перестройщики не спросили, устроив переворот. Как, никого не спросив, (продолжение на стр. 5).

(начало на стр. 3-4).

устроили революцию 1917 года. Народу-то лучше всего, чтобы его не трогали. Если его спросить – ему и сегодняшние реформы, я думаю, извините, «до лампочки». Ему всю историю приходится приноравливаться и выживать, теряя по ходу Веру, традиции ремесла, быт, песни и творчество народное, устои (то, на чем он стоит). Он выработал свои устои, сложил их в Домострой, а Петр скромных боярышень и девушек повытаскивал из теремов и заставил в европейском платье грудь обнажать. Это была ломка, как ломали хребет русскому крестьянству революционеры, как сейчас его калечат перестройщики. Народ никогда не спрашивали, ему указывали. А когда задумали спросить, так он проголосовал против развала страны. Но на это плевать хотели и никто не вспоминает что народ сказал «нет» князькам, захотевшим поцарствовать в своих вотчинах. Древняя мудрость что говорит? «Сильного врага уничтожают по частям». Что с нами и делают, «разделяй и властвуй». Народ вымирает – это факт. Ему навязываются чуждые ему эталоны – это факт. Его нравы разлагаются – это факт. Его дети брошены, старики тоже, он живет в нищете – факт. Коммунистов ругали за то, что они развалили экономику и жили на продаже недр. А сейчас что изменилось?! На той же нефти и живем, как и жили. «Каждый народ заслуживает то правительство, которое он имеет». За счет чего живут цыгане? За счет дурака! Не было бы его, что бы они делали, не знаю! Так что нечего на зеркало пенять, коли рожа крива. Я тебе уже писал об этом.

Привезли крашенную воду по цене дороже молока – не бери, уважай себя и свой труд! Куда там... устоев-то нет, а этикетка решает все. А если бы были традиции, то были бы крепкие семьи, где во главе стоял бы отец христианин. Разве бы он позволил своему

сыну или дочери жевать резинку и смотреть мразь по телевизору?

Вдогонку про Петра. Всегда возражают, что Петр вздыбил Россию, дал ей и то, и се, и промышленность, и флот и т. д. Ложь. Возьми хотя бы Ключевского. До Петра были такие политики и люди, что Петру до них 30 верст дерьмом плыть.

Просто мы так устроены, что запоминаем тех, кто стучит кулаком по столу и брызнет слюной и громкие фразы в воздух подкидывает. У князя Голицына был, по свидетельству европейских послов, «лучший дом в Европе». А Ордын-Нащекин? Реформа Петра готовилась такими как Шереметьев, Ртищев, Ордын-Нащекин, Голицын, да и воевал-то за него Шереметьев... Просто мы не любим свою Родину и даем поливать ее истории грязью.

Если бы наши пастыри и монастыри в XVII-XVIII веках не начали терять свое влияние на народ, не начали морально падать, мы бы не получили кучу революций в конце XIX начале XX веков.

И если бы мы не позволили народу, отняв у него веру, падать дальше, то не получили бы никаких «перестроек»...

«Природа не делает скачков» – старая истина. И все, что происходит, накапливается постепенно. Мы не видим, как в нас зреет болезнь. А потом оказываемся, как бы неожиданно, перед фактом «скорой помощи» и больничной койки, а то и могильной насыпи. А кто заставлял нас жрать водку, курить, есть всякий гастроним, а не жить здоровой жизнью данной нам от Бога. Никто! Так что сам нагадил, сам и ...

Обнимаю. Твой Д.В.А.

май 2003

Письмо одиннадцатое

Ты знаешь, я тут получил по почте подарок от старого своего коллеги – «Крест бесконечный», переписка Астафьева и Курбатова.

Это, конечно, эпоха, я бы сказал, что в ней (прости за банальность), как в зеркале, был отражен наш век, вернее его вторая половина. И в ней, в этой книге, которую я сразу поставил к себе в шкаф среди книг по истории, есть, с моей точки зрения, ответ на главные вопросы современной России и ее «интеллигенции». И объяснение всего того, что произошло после войны и привело к окончательному «поражению». За 50 лет всего. Мне кажется, что два современных мыслителя, два честных, думающих, творческих человека, в своей переписке косвенно отразили главную беду современного русского человека – переделать лицо без Бога, без Вседержителя. Последние строки Астафьева оставленные им на письменном столе: «Я пришел в мир добрый, родной и любил его бесконечно. Я уйду из мира чужого, злобного, порочного. Мне нечего сказать вам на прощание. Виктор Астафьев». Причем эта эпитафия оставлена жене, детям, внукам.

Когда человек приходит в этот мир – он юн, ничего еще не знает, не увязывает видимое с сутью, не понимает, что «не все то золото, что блестит» у него нет еще опыта с которым можно соотнести увиденное, но он полон энергии любопытства и самонадеянности. Он особенно не задумывается над тем, на что он тратит свои силы. И формулы которым он следует довольно просты. Но вот энергия уходит. Аккумуляторы садятся, свет все тусклее и на лампочках, и на приборах. «Во многия мудрости – многия печали». Приобретены опыт, знания, умение, понимание, а силы-то ушли. От того и печаль.

Ты обрати внимание. Возьми любого писателя, хоть Чехова, хоть Дж. Лондона, да кого угодно. Сначала энергия через край и юмор, и полно силы, а потом все яснее и

(окончание на стр. 6).

(начало на стр. 3-5).

яснее, что мир каким был, таким и остался и останется до судного дня. Переделать его нельзя, в нем царствует диавол, и все потуги заканчиваются «Мартином Иденом». И в личной жизни все, как правило, не туда у тех, кто сам-то, без бога-то. Кто рассчитывает на свои силы-то.

Вот на этом-то и горит интеллигенция. Поговорить? Это, пожалуйста. За чайком, кофейком, сигареткой. Поделиться опытом, помочь ближнему (устроится) или накрутить друг друга и на «Пушкинку» площадь, пошуметь. Декабристы тоже попались на эту удочку и выкатились на Сенатскую. На рывок, это мы... Как сказал мне некогда один немецкий оперный режиссер Вальтер Фильзенштайн: «Вы, русские, на ура, на рывок, можете сделать то, что ни один народ в мире не осилит. А вот упорно, методично создавать кропотливые вещи – это вам с трудом дается». Большая доля истины в этих словах есть. Позвать, развалить, да, на это у нас достаточно темного люду, это мы, пожалуйста. А вот созидать?.. Для этого нужно вождя-лидера, в которого народ поверит. Именно поверит. В «Иване Сусанине» Собинин говорит: «Силы-то есть у нас! Да кто нас соберет, мы бы тогда все бы сделали...» – и появляются Минин и Пожарский.

Всегда, даже стадо баранов, вокруг козла-вожака собирается и делает такое... (я в одном фильме видел), что и представить трудно. Бараны! Нас призывают работать лучше, зарабатывать больше. А помнишь в «Белом солнце пустыни» Луспекаев около корыта с черной икрой спит. Русский человек, ему идея нужна, «за державу обидно» должно стать. Мы лжем сами себе.

Сейчас большинство, хоть и не говорит этого, но ищет ту прорубь, в которой шуку ту поймать, любой ценой и чтоб легче... «По

щучьему велению по моему хотению...» Эх!!! Вот идея. Вот лозунг! После нас хоть потоп! Грабь, т. е. меньше работы, больше денег! А способов – море, народ наш избретателен. Жизнь, история ничему нас не учат. Не хотим мы на камне ВЕРЫ стоять, все на песке водружаем. Здесь и только здесь все ответы на все вопросы. ВЕРА! ВЕРА! Она возвращает совесть, укрепляет и чистит душу. Дает человеку стержень в его жизни.

Помнишь? К спасителю обратился молодой богатый человек с вопросом, что делать? – «Раздай свое имение и иди за мной». И юноша затерялся в толпе. Где сокровище, там и сердце. Вдова-то последнюю копейку отдала, а фарисеи с барского плеча излишки Богу. Храмы-то растут как грибы, а кто в них ходить будет? Опять не с того конца. Наши далекие предки в поле молились. Храмы есть, молитвы нет! Вот как веру-то вернуть?

Засучить рукава, да детей спасать, увлечь их на путь веры, соотнести в душах их мирское и горнее, объяснить им основные ценности. А для этого себя-то надо забыть, и кропотливо растить будущее нашей Родины. Взрослых не переделывать. Это только Господь может...

И все эти нерусские программы, они ничего не дадут. Ну, будет у всех икра и ананасы, а дальше что? Наши политики, как глухари на току, экономика, малый бизнес, менталитет и т.д. А народ-то... «безмолвствует». Народ, а не тоненькая городская прослойка. У нас в деревне как? Привезли бюллетени – опустим, не привезли – ну и... Сам понимаешь, дел и так по горло. Народу на эти выборы... сам понимаешь. Он послушный народ-то. Он пойдет на всякий случай, а не трогали, он и не ходил бы. У него своих забот хватает, ему жить надо, семью кормить, скотину. Ему эти все политики только нервы мотают. Сколько ж их там наверху набилось, никакая счетная палата не сосчитает!

И всех их надо прокормить. Я так думаю, иногда, вот в Москве утром 10-12 миллионов в туалет сходят, сколько ж полей можно удобрить под картошку и им же продать...

Шалапин писал в своих дневниках: «... с весной Русь приходила в движение. Начиналось паломничество, странничество, тысячи людей брали посох и трогались в путь по России от монастыря к монастырю...» Шмелев описывает, как шли в Лавру на богомолье тысячи людей и в деревнях по пути всегда было место для ночлега, самовар и т.д. И странники несли с собой впечатления от богомолья, о святых... А что они сейчас понесли бы? Какой дух? И человек, который несет в душе своей веру, никогда бы не написал таких строчек в конце своей жизни, как написал Виктор Астафьев. Эти строчки, есть показатель падения духа человеческого и отсутствие веры в Промысел Божий. Перечеркнул свою жизнь. И без этого давно сказано апостолом: «мир лежит во зле, он лежал и будет лежать до судного дня». Самая большая ловушка диавола, – увлечь лучшую часть народа на борьбу за счастье, за лучшую жизнь людей на земле.

А борьба-то эта начинается в душе человека очисткой той канализации, которую она из себя представляет, а заливать ее французским одеколоном пустое дело, одеколон выветривается и пахнуть будет тем, что есть. Что есть вопрос вопросов для женщины – материнство!!! «Вот я и дети мои» — это ответ перед Богом. Это ее высшая цель на земле – воспитывать детей, а не бросив их в общественные «конюшни», бегать по митингам и заседать в думах. Печален их конец. И нет здесь исключения. Да, воспитывать труднее, чем суетиться и выступать. Крест вообще нести труднее, чем советовать, как это делать. Но, пока гром не грянет, мужик что? – не перекрестится... Хотя куда еще громче греметь-то?..

Твой Д.В.А. июнь 2003

СОДРУЖЕСТВО ЛИТЕРАТОРОВ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ

Любовь СЕМЁНОВА

Родилась и выросла на Урале. Проживает в городе Бежецке Тверской области. Стихи пишет с детства. Член Российского Союза Писателей, член областной творческой ассоциации «Содружество литераторов Верхневолжья». Автор двух сборников стихов: «Подниму упавшую звезду» и « Навсегда я тебя люблю», участник нескольких коллективных сборников: антология «Земляки», «Вся Россия», «Окрылённые рифмой», «Солнечные блики», журнал «Сергиев».

Судьбу поблагодарить
За то, что рядом со мной!

НОЧНАЯ ДЕРЕВНЯ

Тепло и тихо. Падают снежинки.
Далёкий запах дыма от печи.
Калитка скрипнет ржавую
пружиной
И смолкнет всё в заснеженной
ночи.

Собака, беспокойный сон увидев,
Вдруг заскулит, залает невзначай...
И путник запоздалый молча
выйдет
За поворот любимую встречать.

Всё спит в деревне, не шумит, не
стукнет,
И лишь в одном окне мерцает
свет...
Но час придёт – и огонёк
потухнет,
А снегопад укроет поздний след.

КАКОЙ У НАС СНЕГОПАД!

Какой у нас снегопад!
Такой пушистый и крупный!
И хлопья плавно кружат,
Как парашюты зимы.

А годы? Годы спешат
На карусели по кругу:
Ни возратить их назад,
Ни взять на время займы.

Так значит, надо любить!
Ловить снежинки в ладоши!
Друг другу радость дарить
И наслаждаться зимой!

Сто раз на дню повторить
Какой ты самый хороший,

Мария ПАРАМОНОВА

Творческую и трудовую деятельность ведёт в Твери, Смоленске и Москве. Автор трёх книг стихов, лауреат литературных конкурсов различного уровня, от областного до международного. Член Союза писателей России (заместитель председателя правления Смоленской областной организации Союза писателей России) и областной творческой ассоци-

ации «Содружество литераторов Верхневолжья». Стихи Марии Парамоновой публиковались в тверской и смоленской периодической печати, «Литературной газете», журналах и альманахах «Российский колокол», «Невский альманах», «У Никитских ворот», «Сторона родная», «ЛифФт», «Свет Одигитрии» и других.

К ПУШКИНУ. ГРОЗА.

*Взыграйте, ветры, взройте воды,
Разружьте гибельный опло
Где ты, гроза — символ свободы?
Промчись поверх невольных вод.*

(А. С. Пушкин)

Сполохи молний за ближнею
тучей,

Отсветы в глянце дорог.
Город затих, будто страху созвучен
Дождь, учащающий дробь.

Мир сотворён неземною рукою
В облаке звёздной грозы.
Света и тьмы, созиданья и боя
Вечен небесный призыв.

Так же клонились вершины
растений,
Молнии рвали простор:
Квадриллионы рождений и тлений
Мир перед Богом простёр.

Ты же, глашатай, грозу
призываешь,
Дрёму развеять спешишь,
Воды невольные бурей взрываешь,
Клич возвещаешь в тиши.

Знаешь – за словом разверзнется
небо,
Молнии ринутся вниз.
Светлым достанется вечная нега,
Тёмным исчадиям – визг.

Кесарю – пулю и нимб на иконе,
Богу – кощунства и смут,
Родине – море кровавых агоний,
Гению – вечности суд.

Владимир КРУСС

Родился в 1957 году в городе Калинин (Тверь). «Жизнь и судьба» связаны исключительно с этим городом. После службы в Советской Армии окончил юридический факультет Тверского госуниверситета, где и остался работать. Заведующий кафедрой, доктор юридических наук, профессор. Автор изрядного числа научных публикаций и нескольких монографий. Отец трех дочерей.

В 1998 году в Тверском областном книжно-журнальном издательстве выходит сборник «Белые берега (сорок стихотворений)», отмеченный дипломом Тверской областной библиотеки им. А.М. Горького в номинации «Открытие года». В том же издательстве, в 1999 году, – книга стихов «Золото». В 2000 году принят в члены Союза писателей России. Книга стихов «Мир несотворенный» (2004 г.) приносит звание лауреата Литературной премии им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Позднее публиковался только в региональных периодических изданиях и сборниках.

Член областной творческой ассоциации «Содружество литераторов Верхневолжья»

* * *

Помолись за меня, матушка,
Я устал, – не поднять руки.
Нет часовни и нет ратуши
В этой крепости у реки.

Не в скиту, а в палатах каменных
Я не жду дорогих гостей,

стр. 8

« ТИШИНЫ БЛАГАЯ ВЕСТЬ... »

В голубом узнавая пламени
Отголоски дурных вестей.

В декабре, вечерами ранними,
В полночь, чёрную от пурги,
Не заходят ко мне странники,
Не спешат на постой враги.

Не попросят моей помощи,
Улыбаясь вдали, друзья,
И немногим меня помнящим
Слишком многим обязан я.

И растроченной напрочь силою,
И затёртою в лоск душой,
И звездой, что плыла, милоя,
Над планетою нечужой...

Золотая моя, чистая,
Должнику не с руки платить.
Помолись за меня истово...
Если можно ещё просить.

* * *

Я могу сказать только то, что могу;
То, что плоть моя выговаривает.
Пусть кукушка шарманит свое
«ку-ку»,
На баяне коза наяривает.

А в моих руках – тамбурин чудной,
И невняты его пророчества.
И бредёт как пёс тишина за мной
От рождения до одиночества.

Замирая в такт, шелестят шаги,
Пропадая, где выбиты тернии,
И вербальный гной затопил круги,
Переполнив глаза Минервины.

Я ловлю её воспалённый взгляд
В небесах за ажурным маревом.
А на сердце – страх;
А под сердцем – ад.
А во рту – стрела государева.

* * *

Листья ожоги и яблоней свет –
Всё перепутано в логове логова...

Кажется, прошлого всё-таки нет;
И не положено кесарю богово.
И непонятно, откуда вода
Черпает силы, – весёлая грешница:
Или из неба, от самого дна,
Где потаённое солнце крошечится,

Или из нитей расслабленных трав,
Вечно плывущих и не
уплывающих...
Ангел болезный, любезный анкаф,
Целься в сердца на тебя
уповающих.

Каждой секунде – свое острее,
Так завершится и значит –
исполнится
Странствие наше: твоё и моё.
Общая боль – покаянная вольница.

В нашем неведенье радость
сквозит –
Не понапрасну взяты и сосватаны!
Яблоки вызреют; снег полетит,
Соединяя раскрытое с матовым.

НАДУМАЛА

Не детская отвага;
не бабушкин санскрит;
не веерная влага
из-под небесных плит;

не лужи у подворья,
лакающие свет;
не предисловье горя;
не придурь сигарет;

не отблески частных
нехрамовых свечей;
не подстреканья жадных
и прочих сволочей;

не обретенье к сроку;
не метка на пути...

Она сегодня
к Богу

надумала зайти.

(окончание на стр. 9).

• Краеведение

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПОДСНЕЖНИК

Встречи с замечательными людьми для пишущего человека – поистине ценные подарки судьбы. Случались они и у меня. Об одной из таких неожиданных встреч с интересным человеком это моё повествование.

ГДЕ-ТО в конце 80-х или в 90-х годах прошлого века мне было необходимо побывать в Москве. На железнодорожном вокзале станции Нелидово с купленным билетом в кошельке я в одиночестве ожидала прибытия поезда, делая записи в своём журналистском блокноте. Вдруг в здании вокзала появился ничем не примечательный пожилой мужчина с тощим рюкзаком на одном плече. Хотя зал ожидания был ещё пуст, этот потенциальный пассажир, отойдя от кассы с билетом в руке, сел рядом со мной, предварительно испросив у меня на это позволение, и сразу представился: «Сергей Михайлович из Бельского района». Я ответно назвала ему свои имя и отчество, уточнив по его примеру и своё место жительства: «...из города Нелидово». «А что это Вы, Людмила Владимировна, всё пишете?», – поинтересовался бельчанин. «Кое-какие мысли на ум пришли для очередной статьи в газету, вот и записываю их, чтобы не забыть», – отозвалась я.

Сергей Михайлович воскликнул: «Не ошибся! Как увидел у Вас блокнот, сразу решил: журналист! Журналисты – люди неплохие, но больно любопытные и назойливые. У меня с Вашими коллегами-мужчинами много было встреч, они всегда дотошно расспрашивали меня о военном прошлом. Но вам, женщинам, воен-

ная тема, конечно, не нравится...».

Мне подумалось: «Этот человек слишком молод для участника войны. Привирает, видимо, про многие встречи с журналистами». А вслух сказала: «Не могу отвечать за всех журналисток, но я военной темы не чураюсь, особенно люблю беседовать с непосредственными участниками боевых действий. Но и детские воспоминания о войне мне тоже интересны. Вы ведь, судя по внешности, в период немецкой оккупации были ещё ребёнком?».

Бельчанин на эти мои высказывания отреагировал своеобразно: не произнеся ни слова, крепко ухватил своей рукой запястье моей левой руки, а когда я вопросительно глянула на него, он направил мне в глаза свой пристальный взгляд. При этом выражение его лица начало резко меняться, поочерёдно отражая различные эмоции: недоумение, обиду, огорчение, недовольство и даже возмущение! Поняв, что ненароком вызвала у человека нежелательный всплеск переживаний, я произнесла: «Вижу, что я Вас чем-то расстроила, простите, пожалуйста».

На лице Сергея Михайловича воцарилось спокойствие, он с минуту помолчал, а затем, испытующе глядя мне в глаза, вдруг поинтересовался: «Писателя Жарикова знаете?». Этот вопрос меня несколько озадачил своей неожиданностью, но, не выказывая этого, я ответила: «Знаю о существовании в нашей стране двух писателей Жариковых, но с ними я лично не знакома. Кото-

рый из Жариковых Вас интересует: Леонид, он же Илья, или Андрей?».

Сергей Михайлович на мой вопрос ответил с торжеством в голосе: «Не знал, что у Андрея Дмитриевича, который о моих военных делах в своих книгах написал, коллеги-однофамилец есть да ещё с двумя именами...». Этот ответ вызвал у меня острое любопытство относительно военного прошлого моего собеседника, оказавшегося героем произведений писателя А. Д. Жарикова. Меня так и подмывало завести с ним разговор об этом. Но я решила не демонстрировать Сергею Михайловичу пробудившегося у меня журналистского интереса к его персоне, поскольку понимала, что отсрочка нашей беседы только усилит зарождающееся у него желание пообщаться со мной. Поэтому лишь довела до его сведения, что Жариков Леонид (продолжение на стр. 11).

(начало на стр. 10).

Михайлович, он же (по документам) Илья Милахиевич – отец популярного артиста Евгения Жарикова.

Между тем вот-вот должен был подойти поезд, на вокзале скапливался народ. Среди пришедших оказалось немало моих знакомых, многие из них подошли ко мне, чтобы поздороваться, о чём-то спросить или что-то сказать. Видя это, Сергей Михайлович промолвил: «Здесь нам поговорить не дадут. Если хотите, в поезде побеседуем...». Я кивнула ему головой в знак согласия.

...Устроившись в вагоне за одним из столиков, я раскрыла свой блокнот и с авторучкой в руке приготовилась слушать рассказы заинтересовавшего меня человека, который расположился напротив меня. А он, как только проронил первые фразы, полностью овладел моим вниманием. Свой рассказ мой попутчик начал так: «Вы правильно подметили, что я в войну был ребёнком. Когда в 1942 году начал воевать, мне было только 13 лет. Но меня, мальчишку, даже орденом Красного Знамени наградили! Михаил Иванович Калинин мне его в Кремле вручал. У меня фотография была, на которой мы, все награждённые, засняты. Жаль, что она пропала. Наверно, кому-то отдал и забыл... О моём награждении сначала по радио объявили, я это сам слышал, но не подумал, что именно про меня говорят: мало ли в стране Корниловых с такими же именами и отчествами, как мои! А когда поверил, прыгал от радости, как обезьяна!».

Мне захотелось рассмотреть в лице пожилого рассказчика детские черты того прежнего мальчишки-воина. Эти мои усилия по мысленному омоложению постаревшего лица Сергей Михайлович воспринял по-своему и печально произнёс: «Вы, Людмила Владимировна, такими глазами на меня смотрите, будто мне не верите. А вот писатель Жариков мне поверил, обо мне написал. Может, читали

про «Подснежника»? Так это – я!».

Я заверила своего попутчика, что не сомневаюсь в его искренности, но, к сожалению, про «Подснежника» не читала, очень хочу узнать о его ратных делах, при этом спросила: «Сергей Михайлович, а где начинался Ваш боевой путь?». И услышала ответ, который ещё сильнее обострил мой журналистский интерес: «На бельской земле и в нелидовских лесах!».

Наш поезд, ритмично постукивая колёсами, взял разбег в сторону Паникли. Торопливый говорок Сергея Михайловича до такой степени заворожил меня, что я забыла о наличии у меня блокнота и авторучки. А когда вспомнила о них, попросила рассказчика начать своё повествование заново, но в более размеренном темпе, чтобы я успевала делать записи. И, о, ужас! Человека словно подменили, его речь утратила бойкость, он застеснялся, начал говорить с запинками, не завершая предложений, путаясь в словах. Я, боясь ненароком обидеть его каким-либо своим неуместным словом, попросила: «Простите меня, пожалуйста, Сергей Михайлович, за то, что я Вас сбила с мыслей, не волнуйтесь, я не буду больше Вас перебивать и напрягать вопросами». И мой попутчик, успокоившись, размеренно повёл свой рассказ.

... Семья Корниловых жила в деревне Вышегоры Бельского района. До войны Серёжа окончил четыре класса Нестеровской школы. Когда глава их семейства ушёл на фронт, он, средний из детей, и двое его братьев (старший Петя и младший Витя) остались жить с матерью Екатериной Никоноровной. Витя по своему малолетству, не понимая причины внезапного исчезновения из дома отца, часто капризничал и звал папку.

Когда в бельские края нагрянули немцы, Петя решил уйти в партизанский отряд имени Щорса, чтобы воевать против фашистов, об этом он уведомил мать. А ког-

да она запротестовала, сын заявил, что, если он останется дома, немцы угонят его в Германию. Такой же убедительный аргумент выдвинул и Серёжа, который присутствовал при этом серьёзном разговоре старшего брата с матерью и тоже «рвался в партизаны». Из глаз Екатерины Никоноровны брызнули слёзы. Витя подбежал с расшитым рушником в ручонках к маме, присевшей на край скамьи, и принялся вытирать слёзы с её лица, приговаривая: «Мамочка, не плачь, пусти их в партизаны, а я пока я тобой останусь». «Пока... Не хватало того, чтобы и ты, Витенька, в партизаны запросился», – проговорила расстроенная женщина, обнимая и нежно целуя своего младшенького. Этой переменной в материнском настроении не преминул воспользоваться Петя. Подхватив загодя подготовленный и стоявший у порога мешок с одеждой и пищевыми запасами, он произнёс: «До свидания, мама!» и вышел из избы. Эти же слова, словно эхо, вырвались и из уст Серёжи, выскочившего за дверь вслед за старшим братом безо всякой ноши.

Если подросток Пётр был принят в партизанский отряд безоговорочно, то Серёже пришлось «пробивать дорогу в партизаны» с помощью продолжительного рёва и слёзных просьб: «Возьмите меня, ради Бога, я разведчиком буду, никакой немец не подумает, что бывают такие маленькие партизаны... А не возьмёте, я всё равно буду разведывать, что у немцев делается, и к вам стану приходить про это рассказывать!». Командир отряда, упорно произносивший несколько раз одно лишь слово «Нет!», наконец, смирился и кивнул головой в знак согласия... Было это летом 1942 года.

Сначала тринадцатилетний разведчик выполнял отдельные несложные поручения под присмотром кого-либо из партизан.

(продолжение на стр. 12).

(начало на стр. 10-11).

А ближе к осени ему предоставили свободу действий. Он запросто бродил по разным деревням, где играл с местными ребятами. А сам в это время подсчитывал количество немецких солдат и техники, примечал места их размещения. За эти и другие добытые Серёжей ценные сведения партизаны мальчика хвалили, чему он очень радовался, как и своим удачным прогулкам по оккупированной врагом территории.

Но однажды удача от него отвернулась. В одной из крупных деревень его опознала престарелая родственница, которая по своему недомыслию во всё горло завопила: «Что это ты, Серёга, у нас тут, за десять вёрст от дома, с самого утра шлындаешь?! Твоя мать Катерина, чай, извелась тебя ожидая, все глаза проглядела, все слёзы выплакала! Видать, пока твой тятка Мишута на фронте, ты, неслух, от мамкиных рук вовсе отбился!».

Громкие причитания прямодушной бабули услышал бывший учитель немецкого языка, который теперь стал у немцев переводчиком. По его инициативе Серёжа Корнилов был схвачен полицаями и доставлен на допрос в немецкий штаб. Там же допрашивали и ту престарелую родственницу, из-за которой его схватили. Бабуля действительно ничего не знала о причине появления мальчика в их деревне. Находясь в коридоре, Серёжа слышал, как старушка в избе сквозь рыдания повторяла свою просьбу: «Отправьте вы этого неслуха к матери...». Кроме старушечьих причитаний до Серёжи доносились то сердитые гортанные выкрики на чужом языке, то неразборчивая речь переводчика. Когда немецкий солдат вывел из штаба заплаканную старушку, один из двух полицаев, находившихся при Серёже, схватил его за шиворот и впихнул в штаб, где, кроме переводчика, за столом вразвалку сидели, о чём-то переговариваясь, два немецких офицера.

Один немец, взяв со стола бутылку, снял с неё красную

пробку и налил в стакан какой-то жёлто-буровой жидкости, причмокивая губами, с ухмылкой на лице выразил готовность угостить этой жидкостью Серёжу. Другой поманил к себе мальчика рукой, в пальцах которой была зажата какая-то маленькая коробочка, помаihal ею. Мальчик вопросительно посмотрел на переводчика, и тот пояснил, что немецкие офицеры предлагают ему угощения – коньяк и шоколад. Серёжа построил на лице кислую мину, отрицательно помотал головой и проронил жалостливым голосом: «Не буду я пить, а то меня мамка отлупит...».

Переведя слова мальчика на немецкий язык и услышав ответы ехидно посмеивающихся немцев, переводчик обратился к Серёже: «А твоя мамка тебя не лупит за то, что ты – партизанский связной? Рассказывай сейчас же: какое задание партизан ты выполнял в чужой деревне!?!». «Не знаю я никаких партизан, я здесь просто гулял!». Эти слова мальчик повторял неоднократно, чем обозлил немецких офицеров. Немец, который предлагал коньяк, выплеснул содержимое стакана прямо в лицо мальчику. А тот, что держал в руке шоколад, бросил его ребёнку под ноги, что-то прокричав на своём языке. Переводчик открыл двери и позвал в избу полицаев, коротко приказал им: «Бейте!». Полицаи стали избивать мальчика кулаками и ногами...

Затем эти безжалостные изверги заперли избитого Серёжу в коровнике, где коров не было, но пол был сплошь покрыт испражнениями этих животных. В кормушке, на край которой уселся Серёжа, лежала гнилая, плохо пахнущая труха. Это мальчика опечалило, но он вдруг вспомнил рассказ верующей матери о том, что именно в хлеву родился Иисус Христос, который спасёт всех от смерти. «И я в яслях оказался, значит, Бог меня тоже обязательно спасёт», – утешила Серёжу внезапная мысль. Утвердившись своим детским рассудком в благополучном исходе дела, избитый и голодный мальчонка теснее прижался спиной к стене коровника, почувствовал себя луч-

ше и через некоторое время уснул.

Утром Серёжу разбудили партизаны, среди них был и его брат Петя, который рассказал младшему братишке, что все фашисты, находившиеся в деревне, уже убиты. А когда мальчик поведал партизанам о переводчике и о полицаях, этих немецких прихвостней привели из деревни со связанными за спинами руками и, обвинив в измене Родине, расстреляли за углом коровника.

При возвращении Серёжи на партизанскую базу с ним пообщался командир, которому мальчик подробно рассказал о том, что с ним случилось во время выполнения последнего задания. Командир похвалил Серёжу за стойкость и распорядился «за вытерпленные бои» выдать ему из хозяйственных запасов столько сладостей и другой вкуснятины, сколько он захочет.

Рассказывая мне об этом, Сергей Михайлович уточнил: «Я от этого предложения командира не отказался, гостинцев набрал порядочно. Правда, ел их не один, а вместе с братом Петей, угощал и других молодых партизан, которые оказались поблизости».

После этого случая малолетнего разведчика при его рейдах в деревни до их окраин обязательно сопровождал кто-либо из партизан, чаще других – брат Петя. И вдруг Серёжу неожиданно для него включили в группу, которая должна была подорвать рельсы железной дороги, чтобы пустить под откос поезд с немецкой техникой и вооружением.

В группу, кроме него, включили его брата Петю, повара Васю Панкова, прозванного «Василисой» за то, что он, готовя и раздавая пищу, покрывал голову женским платком. А группу возглавил Николай Фролов, лейтенант из Москвы.

Партизаны шли через ночной тёмный лес очень долго, пробирались через колючие кустарники, ползком пересекали какую-то речушку, подёрнутую неокрепшим ледком и другие сырые места. Все озябли. Вася и Петя предлагали разжечь костёр, чтобы, как они выразились, «согреть Серёгу». Но лейтенант Фролов не согласился,

(окончание на стр. 13).

(начало на стр. 10-12).

сказал: «Прежде – выполнение задания, обогрев – потом». Его поддержал и Серёжа. Он не по-детски рассудительно сказал своим старшим товарищам: «Чтобы согреться, надо не костры разжигать, а идти быстрее!». Николай при этих его словах рассмеялся и сказал: «Устами младенца глаголет истина».

Наконец, подошли к месту, откуда была видна железная дорога, спрятались в густом, но невысоком ельнике, осмотрелись и увидели, что вдоль железной дороги прохаживаются два немецких солдата в шинелях, обутые в валенки, с тёплыми женскими платками на головах. Ещё две фигуры в таких же нарядах сидели возле дымящегося костра. Потом они поменялись: согревавшиеся у костра отправились в путь вдоль железнодорожного полотна, а вернувшиеся с обхода заняли их места. «Для нас плохо, что дорога патрулируется. Но мы обязаны выполнить задание! Только надо придумать – как?», – вполголоса проговорил лейтенант Фролов. «Перестрелять их надо!», – предложил Василий. «Не пойдёт! Много шума наделаем, а задание можем сорвать», – возразил Николай.

И вдруг партизаны увидели, что к железной дороге навстречу патрульным немцам семенит какая-то женщина с вязанкой хвоста. Немцы её не остановили. «Василиса, платок при тебе?», – обратился к Василию Пётр. «Понятно! Платок есть, наряжусь сейчас старушкой», – пообещал Василий. «Нет, из тебя, Вася, получится не старушка, а могучая богатырша! Я помельче тебя, меня немцы скорее за бабулю примут», – произнёс Пётр. «Нет, друзья, не вам, а мне надо идти! Я – старший группы, к тому же – минёр», – заявил Николай. А Серёжа вдруг взял из рук Василия женский платок, накинул его на голову и произнёс: «Ну, как вам девочка? Только надо как-то из штанов мне юбку сделать...». Возражающих не нашлось.

Юбку для «девочки» соорудили из мешка, вытряхнув из него провизию... И вскоре Серёжа в образе

деревенской девчонки с вязанкой хвоста (в которую Николай вложил взрывчатку) резво побежал со стороны леса к железной дороге... В это время все четверо немецких патрулей находились возле костра. У железнодорожного полотна Серёжа сделал вид, что споткнулся, стал собирать свой рассыпавшийся хвост, стараясь при этом разместить под рельсом взрывчатку, но подкоп не удавался: больно крепкой оказалась мёрзлая земля. К Серёже подполз Николай Фролов, он сам занялся размещением взрывчатки под рельсом, приказав мальчику сейчас же покинуть это место...

Задание было выполнено: поезд пущен под откос. Но на партизанскую базу вернулись лишь трое. Лейтенант Фролов погиб.

И снова Сергей занялся разведкой, теперь он передвигался по оккупированной врагом территории на лыжах, делая вид, что просто катается...

Стычки партизан с немцами продолжались. Однажды отряд был вынужден отступить под натиском превосходящих сил врага. Чтобы связаться с частями действующей армии и вызвать их на подмогу, требовалось оказаться на той территории, откуда немцы гнали партизан. Командир задался вопросом: как незаметно для врага небольшой группе партизан вернуться назад, проникнув через вражеские заслоны? Партизаны предлагали разные варианты. А Серёжа вдруг сказал: «А вы засыпьте меня снегом где-нибудь около деревьев, а сами дальше идите. Как только немцы мимо меня пройдут, я из-под снега выберусь и к нашим отправлюсь. Дорогу знаю». Партизаны с предложением мальчика согласились. Командир и комиссар выбрали подходящее место. Сделав в снегу углубление, соорудили из еловых лапок постель. Когда Серёжа лёг на неё, они укрыли его белым маскировочным халатом, а прежде чем нарастить на нём снежный сугроб, засунули мальчику за пазуху пакет для командира той части, которая Серёже первой попадётся на его пути.

Немцы мимо Серёжи, запря-

танного в снег, проходить не торопились, поэтому юный партизан вынужден был томиться в сугробе около пяти часов. А когда враги, наконец, прошагали мимо него, он еле выкарабкался из своего логова, но на ногах удержаться не мог – упал, поэтому был вынужден передвигаться ползком. Его продвижение было долгим и мучительным, но всё-таки успешным: ему встретились наши бойцы-лыжники. С их помощью юный партизан выполнил задание: пакет был передан командиру одной из частей действующей армии, которая потом и отправилась на выручку партизанского отряда имени Щорса. Серёжа в этом не участвовал: с отмороженными ногами его доставили на лечение в один из московских госпиталей.

Сергей Михайлович не прекратил своего рассказа даже тогда, когда в моём блокноте не осталось ни одного чистого листа. Он поведал мне о том, что его брат Пётр погиб вместе с группой партизан; что в период войны сгорел его отчий дом; что после лечения он продолжил свой боевой путь в качестве стрелка-радиста в авиационном полку; победу встретил в Вене, вернувшись в родной Бельский район, стал работать шофёром.

Затем он признался, что мог бы ещё много чего интересного из своей жизни поведать мне, и доскажет свою историю, если нам когда-нибудь доведётся снова встретиться. Не довелось. А спустя несколько лет я от бельчан узнала, что этот заслуженный человек весной 2003 года умер в Калязинском районе, где проживал несколько лет у своей дочери.

**Людмила Кузнецова
(Потоцкая),
г. Нелидово.**

На снимках: Корнилов Сергей (фото из Интернета); Сергей Михайлович Корнилов – «Подснежник» (этот снимок в сеть Интернета выложил Андрей Корнилов, внук «Подснежника»).

• Память

В ЛАТЫШСКОМ КОРПУСЕ

До войны в деревне Красная Горка Ленинского (Андреапольского) района был создан латышский колхоз «Латвишүземнекс». Председателем в предвоенные годы работал латыш Земент. Во время оккупации он был расстрелян немцами. Многие латыши погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Один из них уроженец деревни Мошки Новогорского сельсовета А.А. Паэглит.

АЛЕКСАНДР Августович был разведчиком 123-го стрелкового полка 43-й гвардейской стрелковой дивизии 130-го латышского корпуса. Из наградных документов следует, что в действующую армию он был призван 9 мая 1942 года. Воевал на Северо-западном и Прибалтийском фронтах. 30 ноября 1942 года получил ранение. Первого боевого ордена, Славы III степени, он был удостоен 18 августа 1944 года. Вот как описывается в представлении к награде подвиг нашего земляка:

«Товарищ Паэглит участвовал 6 августа 1944 года в смелой и дерзкой разведоперации. Зайдя в тыл противнику, разведгруппа открыла интенсивный огонь по отступавшему обозу. Немцы замесались в панике. Товарищ Паэглит одним из первых пошел на сближение с противником и убил при этом 3 немцев. Одного немца, пытавшегося убежать, он настиг и взял в плен. Во время отражения контратаки про-

тивника товарищ Паэглит вступил в рукопашный бой с 4 немцами. Одного из них он убил прикладом, другого заколол кинжалом, остальные двое обратились в бегство. Во время выполнения боевых заданий, пренебрегая опасностью, вынес с поля боя под сильным обстрелом противника двух тяжело раненых товарищей».

Погиб Александр Августович 14 сентября 1944 года. Посмертно его удостоили ордена Отечественной войны I степени. В наградном представлении отмечается:

«Товарищ Паэглит - отважный и смелый разведчик. Особенно отличился в боях на территории Латвийской ССР 26 июля-26 августа 1944 года. 19 августа 1944 года товарищ Паэглит во главе группы разведчиков получил задание прикрывать правый фланг наступающего подразделения. Противник прижал нашу пехоту к земле сильным пулеметным и минометным огнем, и наступление приостановилось. Правый фланг был открыт.

Противник начал контратаку справа. Когда расчет 45-мм орудия выбыл из строя, товарищ Паэглит стал из пушки расстреливать немцев. В этом бою он уничтожил 20 немецких солдат. 23 августа 1944 года противник в районе Виеталеа при поддержке танков и артиллерии предпринял контратаку. Необходимо было срочно установить наблюдение и вести корректировку огня. Товарищ Паэглит с НП под огнем вражеской артиллерии корректировал огонь и, ведя наблюдение, докладывал о действиях противника, выявлял важные цели, группировки танков и пехоты».

А.А. Паэглит был похоронен в 200 метрах юго-западнее хутора Намкална Мазон Саукненской волости Леодонаского уезда Латвии. Его сестра Ирма Карловна проживала в деревне Плаужница Хотилицкого поселения.

На снимке А.А. Паэглит, фото 30-х гг.

С. Николаев

Тверских поэтов не позвали на парад

В конце 2018 года вышел из печати литературно-художественный альманах современной поэзии «Парад литератур». Эта весьма солидная по объему книга издана в рамках просветительского проекта «Белые журавли России» с использованием президентского гранта на развитие гражданского общества.

В первом выпуске опубликованы произведения более 400 авторов из регионов России и ближнего зарубежья. Основатель проекта, секретарь Союза писателей России Сергей Соколкин во вступительном слове пишет: «...невольна родилась ассоциация с Парадом на Красной Площади, когда проходящие по брусчатке защитники нашей Родины демонстрируют миру силу и мощь... По принципу парада составлен и этот альманах... Российская литература жива, писатели есть... Убедитесь в этом сами. Их нужно только почаще издавать. Причем на бумажных носителях...»

В альманахе представлено немало именитых авторов, членов Союза писателей России: Владимир Костров, Михаил Ножкин, Николай Переяслов, Геннадий Иванов, Валерий Савостьянов, Игорь Тюленев и другие.

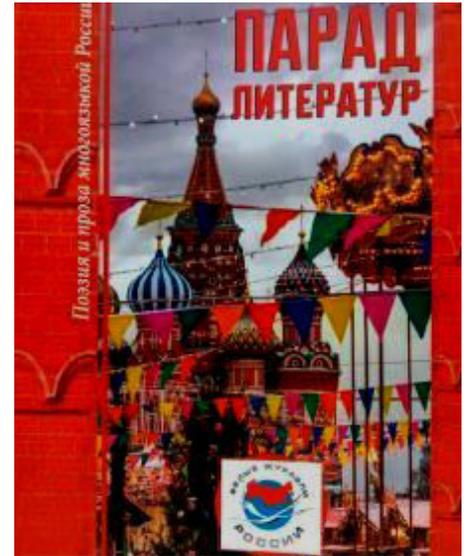
Стихи в альманахе расположены по разделам: Москва, регионы, национальные республики (в переводе на русский язык). Строгая редколлегия альманаха запросила у региональных организаций подборки стихов для отбора. В итоге редколлегия отобрала для публикации, например, по 2-3 стихотворения четырех смоленских поэтов и по 1-2 стихотворениям семи тульских поэтов. Внушает уважение представительство на «Параде» псковской, брянской и ряда других региональных писательских организаций.

А вот земляки из Твери вновь огорчили. Стихотворение профессора-литературоведа, экс-председателя региональной организации Валерия Редькина «Русская душа» (датируется 2009 годом) показалось мне

оскорбительным для русского человека: душа его, по мнению автора, «Широко распахнута, как ворота в ад, о её греховности много говорят». Кроме того, в произведении рифмуются такие однокоренные слова как «пристрастие» и «страсти». Второй представитель Верхневолжья – поэт Константин Рябенский умер в 2011 году, а альманах, как сообщалось в запросе редколлегии, призван представлять ныне живущих поэтов. К сожалению, ни один из ярких, самобытных тверских поэтов в альманахе не попал. Неужели, перефразируя слова издателя, «тверская литература мертва, писателей нет...»? Уверена, что это не так! Судя по всему, тверская писательская организация просто не направила в адрес редакционной коллегии стихи ныне живущих и пишущих поэтов для рассмотрения и публикации.

Мы уже перестали удивляться тому, что все блага культуры притягиваются к профессору Редькину, который, к слову, вовсе не поэт. Первая с момента учреждения Гумилевская премия, знак «Крест святого Михаила Тверского» и много чего еще приросло к возглавлявшему писательскую организацию литературоведу. Вот и сейчас, когда президентский грант, который получили российские поэты, а я вижу ситуацию именно так, дал возможность публикации широкому кругу авторов из регионов, тверская писательская организация своих членов этой возможности лишила. По нерадивости или из опасения конкуренции – не важно.

В Тверской области, тем не менее, много поэтов, достойных представать на «Параде литератур». В их

числе – члены Тверского регионального отделения Союза писателей России. В альманахе «Парад литератур» заметна сквозная тема малой родины, любви к родной земле. В этом контексте в нем чистыми, звонкими переливами могли прозвучать стихи Веры Грибниковой. Владимир Львов по-прежнему полон вдохновенья и подготовил к печати новую книгу «Росстани». Владимир Крусс является автором исторической поэмы «Апология Михаила, князя Тверского, и Юрия, князя Московского». А ведь именно в 2018 году отмечалось 700-летие со дня мученической кончины Святого Благоверного князя Михаила Ярославича. Надежда Веселова посвящает стихи древней Старицкой земле.

Молодые поэты Диана Мун, Владимир Селянкин, Алексис, Екатерина Большакова, Елена Давыдова, Игорь Столяров и другие тоже могли бы достойно представить регион. Но на «Параде литератур» торжественно прошествовал критик Валерий Редькин с его греховной душой, а также фантом Константина Рябенского.

Альманах «Парад литератур» издателя надеются выпускать ежегодно. Хочется верить, что в наступившем году каждый будет заниматься своим делом: поэты – писать стихи, а литературоведы с университетской кафедры направлять эти стихи в редакционные коллегии альманахов. Как сказал Сергей Соколкин: «Их нужно только почаще издавать. Причем на бумажных носителях...».

Мария ПАРАМОНОВА

